

Валентин ПИКУЛЬ

1928—1990

Валентин Саввич Пикуль был ленинградцем, он застал блокадные годы, но вторую половину жизни прожил в Риге. Часть детства он провёл в Молотовске (Северодвинске), где посещал кружок «Юный моряк». Во время войны, после смерти матери, он поступил в школу юнг. В 1942 году начал служить рулевым сигнальщиком на эскадренном миноносце «Грозный». Год спустя он стал командиром поста, а закончил службу штурманским электриком. Первый роман, «Курс на солнце», был неудачным, второй роман он выбросил, лишь третий роман, «Океанский патруль» (1954), стал дебютным. Автор книги был принят в Союз писателей. В 1961 году «Баязет» открыл череду исторических романов Валентина Пикуля. В 1962 году писатель переехал в Ригу. В 1960-е годы были написаны романы «Париж на три часа», «На задворках великой империи», «Из тупика». В 1970-х годах опубликованы романы «Реквием по каравану RQ-17», «Пером и шпагой», «Моонзунд», «Слово и дело», «Битва железных канцлеров». В 1980-х годах были написаны «Три возраста Окини-сан», «Крейсера», «Фаворит», «Честь имею». Умер Валентин Саввич Пикуль 16 июля 1990 года.

ПИСЬМО СТУДЕНТА МАМОНТОВА

Фрагмент

Россия строила крейсера и пряла лён, она возводила баррикады и солила на зиму огурцы, народ гулял на свадьбах и бряцал кандалами, — но ведь никто и в самом деле не знал, что где-то под боком столицы ежедневно творится что-то такое, что может привести в ужас любого... На конце тонкой платиновой проволоки иногда свисала чистая прозрачная капля. Отяжелев, она срывалась с платины и падала на стекло. Одной такой капли было достаточно, чтобы весь Санкт-Петербург стал мёртв.

Россию ломало на сгибе двух веков — время нам близкое. Лев Толстой ещё катался на коньках; Максим Горький, размашистый и щедрый, входил в молодую славу; по вечерам духовые оркестры раздували над провинцией щемящие вальсы; вдоль бульваров поволжских городов гуляли с кулёчками орешков кустодиевские

купчихи; босяки лихо загружали баржи арбузами; над зеленью пригородных дач хрипели расфранчённые трубы граммофонов...

А в устье Невы или Фонтанки иногда заходил с моря одинокий катер Балтийского флота; тихо урча мотором, он медленно крался под мостами, причаливал к набережной, на которой, сунув руки в карманы пальто, его поджидал сугубо штатский человек. Молча он прыгал на палубу катера, и мотор увеличивал обороты на винт — катер спешил в сизые хляби Финского залива. Слева по борту, словно в сказке, разгорались феерические огни Петергофа и Ораниенбаума, справа массивной глыбой заводов и доков вырастал Кронштадт. Разводя за кормою волну, катер торопливо увозил молчаливого пассажира всё дальше — в открытое море. Темнело.

Наконец из воды показывалось громоздкое сооружение, словно изваянное циклопами, — это был форт «Александр I», над которым реял чёрный флаг, а возле пристаньки качался под ветром фонарь и виднелась одинокая фигура жандарма.

Катер подруливал к пристани, никогда не подавая швартовов, будто боясь коснуться стен этого форта, и жандарм принимал пассажира в свои объятия.

— Оп! — говорил он. — Вот мы и дома. Милости прошу...

Открывались тяжкие крепостные ворота, изнутри форта шибало промозглым холодом озноблённого камня. По витой лестнице прибывший поднимался наверх, снимал пальтишко и, толкнув двери, попадал в просторное помещение, где его встречали. Встречали смехом, новостями, шутками, расспросами, шампанским. Это были чумологи, а форт «Александр I» был «чумным фортом»: именно здесь, вблизи столицы, русские врачи, добровольные узники форта, давали бой той заразе, что расползалась по земному шару, имея цепную реакцию в таком логичном, но отвратительном распорядке:

КРЫСА — БЛОХА — ЧЕЛОВЕК...

Антибиотиков тогда не было; в полной изоляции от мира врачи создавали противочумную вакцину. Великий учёный Нобель, изобретатель динамита, провёл свою одинокую жизнь среди гремучих раскатистых взрывов и остался цел. Но в условиях «чумного форта» уцелеть было труднее. Облачённые в прорезиненные балахоны, в галошах, с масками на лицах, врачи вступали в лаборатории, где даже глубокий вздох грозил гибелью; за стеклянной перегородкой сновали, волоча тонкие облезлые хвосты, завезённые из Китая крысы — там, в крысином вольере, уже бушевала смерть. Спасения от чумы не знали, а значит, спасения и не было. В восемь часов вечера форт запирали на засовы, ключи от ворот клал себе под подушку жандарм, осатаневший от неудобств жуткой жизни.

— Подохну я с вами, — говорил он зловеще. — Все люди как люди, живут и в ус не дуют, а я связался с учёными... не приведи Бог! Будь я дома, так в пивной бы сидел, как барин, а тут... эх!

Утром на пристани находили оставленные катерами продукты и почту. Волны с грохотом дробились о старинную кладку башен, в коридорах форта гуляли сквозняки — острые и ледяные, как ножи. Санитары, шаркая галошами по камням, обмывали горячим лизолом перила, дверные ручки, даже электровыключатели. А бывало и так: чёрный флаг, дрогнув, сползал вниз, из трубы форта валил приторный дым, с моря подходил катер, матрос принимал от жандарма урну с пеплом. Вот и всё, что осталось от человека, который ещё вчера надеялся побороть «чёрную смерть»...

Это Пушкин, это его «Пир во время чумы»...